

Впервые рассматриваются архивные материалы, содержащие результаты проведенного в 1936 году обследования четырех известных «социалистических городов»-новостроек при крупных промышленных предприятиях. Уникальность этой работы – в критическом подходе к процессу реализации на практике основной градостроительной концепции, сформировавшейся в конце 1920-х годов в связи с принятым курсом на форсированную индустриализацию страны. В ходе обследования были тщательно проанализированы все составляющие концепции «соцгородов»: планировочные особенности, типология жилища и принципы «обобществления быта», социальный состав населения, ведомственная принадлежность и выявлены границы реализации этих установок, накладываемые самой жизнью, что привело к фактическому разрушению концепции. Показано, что попытки авторов сформулировать собственные принципы организации жизни людей, исходя из изменившегося «духа времени» второй половины 1930-х годов, уже содержали в себе новые границы нереализованности.

Ключевые слова: Академия коммунального хозяйства РСФСР; проектирование и строительство «социалистических городов»; проект и его реализация; принципы проектирования жилых кварталов.

The article examines new, previously unresearched archival materials containing the results of a survey conducted in 1936 of four well-known “socialist cities” – new housing developments at large industrial enterprises. The uniqueness of this work lies in the critical approach to the process of implementing in practice of the main urban planning concept, which was formed in the late 1920s in connection with the adopted course of forced industrialization of the country. During the survey, all the components of the concept of “socialist cities” were carefully analyzed, including planning features, typology of housing and principles of “socialization of life”, social composition of the population, departmental affiliation, etc. The boundaries of the implementation of these policies imposed by life itself were revealed, which ultimately led to the actual destruction of the concept. At the same time, the article shows that the authors’ attempts to formulate their own principles of organizing people’s lives, based on the changed “spirit of the times” of the second half of the 1930s, already contained new boundaries of unrealisation.

Keywords: Academy of Municipal Engineering of the RSFSR; design and construction of “socialist cities”; project and its implementation; principles of design of residential quarters.

Жизнь в «соцгородах» начала 1930-х годов / Life in the “socialist cities” of the early 1930s

Концепция «социалистических городов» в целом сформировалась во второй половине 1920-х годов, когда правительством СССР был взят курс на ускоренную индустриализацию. Этой теме, тесно связанной с формированием новой системы размещения промышленности на территории страны и соответствующими коренными изменениями сложившейся системы расселения, в историографии позднего советского и постсоветского периодов уделено достаточно внимания. В фундаментальных трудах С. О. Хан-Магомедова, В. Э. Хазановой, М. Г. Мееровича, Е. В. Конышевой и других историков советской архитектуры раскрываются подробности полемики вокруг нового расселения и городов промышленно-селитебного типа, обширная фактология проектирования «соцгородов» и их концептуальных особенностей, принципиальные расхождения во взглядах на проблему строительства таких городов советских архитекторов и иностранных специалистов, работавших в СССР, и многое другое.

Предмет внимания в данной статье – открывшаяся возможность посмотреть, как практически выглядела «воплощенная мечта» о социалистических городах уже через несколько лет после начала строительства, в середине 1930-х годов. Увидеть ситуацию глазами современников помогают выявленные автором новые архивные материалы, содержащие подробный отчет об обследовании четырех известных «соцгородов», организованном в 1936 году Академией коммунального хозяйства при СНК РСФСР [1].

Академия коммунального хозяйства (АКХ), сыгравшая немалую роль в организации градостроительства 1930-х годов, была создана в соответствии с решением известного июньского пленума ЦК ВКП (б) 1931 года, посвященного развитию городского хозяйства Москвы и других городов СССР. Помимо налаживания разнообразных сфер этого хозяйства, Академия должна была заниматься вопросами социалистического расселения, планировки новых городов, реконструкции существующих населенных мест [2]. Функции АКХ частично дублировались на республиканском уровне – Наркоматом коммунального хозяйства, на союзном – Всесоюзным советом по коммунальному хозяйству.

Основная задача, поставленная перед сектором социалистической планировки населенных мест АКХ, заключалась в том, чтобы «в кратчайшие сроки подвести научную базу под строительство городов» [3, с. 68]. Такая формулировка не была случайной: когда в 1928 году утверждался первый пятилетний план, строительство новых городов при вновь возникающих промышленных предприятиях не было предусмотрено на государственном уровне; их проектирование и строительство складывалась во многом стихийно, градостроительная наука не успевала за стремительно развивавшейся практикой.

Основным методом создания «научной базы» должны были стать анализ и оценка, во-первых, существующей практики строительства городов; во-вторых, проработка теоретических вопросов: каким, собственно, должен быть социалистический город. Здесь были свои парадоксальные особенности: считалось, что внимание необходимо сосредоточить в основном на анализе только советской практики (хотя она признавалась несовершенной), а основания для градостроительной теории искать, во-первых, в трудах основоположников марксизма; во-вторых, в оперативных, по сути, документах – партийно-правительственных постановлениях. Сектор планировки АКХ работал в русле этих тенденций.

Академия, например, провела обследование практики строительства крупных новых городов, входивших в состав Урало-Кузнецкого комбината – гигантской угольно-металлургической базы, создававшейся в эти годы в СССР [4]. Многие работы, выполненные до 1935 года, не отложились в архивном фонде АКХ, они лишь упоминаются в специальных изданиях. Обследования текущей практики проводились Академией с целью выполнения главного задания, данного ей СНК РСФСР – разработки нормативов для проектирования и строительства новых и реконструкции существующих городов [5].

Именно это обстоятельство определило изначальную мотивацию проведения масштабного обследования четырех «соцгородов»: Нового Харькова при крупном тракторном заводе, Нового Запорожья при ДнепроГЭС, автозаводского района г. Горького и г. Сталиногорска (до 1931 года Бобрики, с 1961 года – Новомосковск) при Бобриковском комбинате в районе нового угольного

текст
Юлия Косенкова
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
text
Yulia Kosenkova
National Research Moscow State University of Civil Engineering

бассейна. Каждый из этих новых городов к 1936 году насчитывал около 7–8 лет проектирования и строительства. Характерно, что изучение практического положения со строительством «соцгородов», оценка степени их соответствия теоретическим постулатам нового города социалистического типа была поручена не архитекторам, а авторитетным в тот период специалистам – деятелям городского хозяйства. Исполнителями работы по заданию сектора планировки АКХ стали сотрудник Центрального союза жилищной кооперации РСФСР, юрист Ц. Г. Рысс (1898–1974) и профессор Московского института инженеров коммунального строительства, экономист В. Е. Рудницкий (1880–1957).

Первоначальный замысел состоял в описании и анализе «живой практики», которая послужила бы основой для дальнейшей работы АКХ по разработке планировочных нормативов. Отсюда широта программы: в основной, центральной части рукописи монографии, написанной В. Е. Рудницким, внимательному практическому рассмотрению подверглись проекты планировки соцгородов, связь селитьбы и места работы, система застройки жилых кварталов и ее изменения в ходе строительства, социальный состав и расчетное количество населения, реальная организация бытовых вопросов, типы домов и квартир и условия проживания в имеющемся жилом фонде. Рукопись всей монографии представляет собой тщательное и детальное исследование, снабженное большим количеством аналитических таблиц, основанное на знании методологической литературы и проектных архивов того времени.

Рассматривая сегодня, с учетом современных исследований, историю проектирования и застройки соцгородов, выбранных в 1936 году для обследования, нельзя не заметить общих особенностей и почти одновременных поворотов в их судьбе, несмотря на различные местоположение, климатические данные, характер основного производства, возможности строительной базы и т. п. Проекты были приняты к строительству в очень короткие сроки в результате конкурсного проектирования и обсуждения в прессе, но затем подверглись значительным переработкам.

В ходе обследования авторами работы прежде всего было обращено внимание на соотношение территории «соцгородов» и расположения промышленности, поскольку хорошая связь селитьбы с основным местом приложения труда считалась одной из особенностей, характеризующих город нового типа [4, с. 186]. Однако на практике во всех случаях отмечались, во-первых, совершенно недопустимые малые размеры защитных зеленых полос, отделяющих селитьбу от производства; во-вторых, их полная функциональная и архитектурно-планировочная неформленность. В. Е. Рудницкий писал, что там, где полосы, разделяющие город и производство, еще сохранялись как отдельные пространства, они представляли собой пустыри, загруженные хаотично проложенными пешеходными, транзитными и местными путями, и «сами превращаются в источник шума и пыли, особенно если это голая степная полоса и ее озеленение относится к последней очереди работ» [1, л. 59].

Другое важное наблюдение, сделанное в ходе обследования, – имевшие практически во всех городах значительные искажения в ходе строительства разработанных проектов организации соцгорода. Один из впечатляющих примеров, приведенных в работе – Сталиногорск. Наличие залежей каменного угля и большого количества сопутствующих ископаемых стало основанием для развития здесь целого ряда промышленных предприятий, расположившихся на трех участках: на севере – химическая и энергетическая промышленность, на юге – керамическая и на востоке – угольная и газовая. Проект

единого для всех производств соцгорода предполагал очень удачное его размещение как в функциональном, так и в климатическом отношении.

На деле строительство в городе велось без плана. Ведомственные проектные конторы создавали собственные проекты, фактически приводившие к хаосу [1, л. 40]. Большинство населения было размещено в бараках «временных» поселков. Только один наиболее удаленный северный поселок, расположенный вблизи химзавода и не предусмотренный генпланом, насчитывал до 45 тыс. населения. Именно здесь стихийно сосредоточились все политические, административные, культурно-бытовые и прочие городские учреждения; при этом ни одного специального здания для них построено не было. Суммы, ассигнованные на строительство нового города, шли на благоустройство «временного» города, несмотря на то что весь его жилой фонд уже был поражен грибком и разрушался. По плану здесь предполагалось размещение дополнительных вредных производств, однако на момент обследования в этом районе началось строительство капитальных жилых домов в 2 и 4 этажа [1, л. 41, 42].

Рудницкий указывал, что во всех обследованных городах наблюдалась схожая картина. Барачные поселки использовались сначала для строительных рабочих, но с окончанием строительства заселялись постоянными рабочими на срок полной амортизации бараков; затем производился их капитальный ремонт и утепление, после чего поселки превращались в постоянные.

Не менее сложно, как показало обследование, складывалось дело и со строительством на территориях, «законно» предназначенных проектами для селитьбы. Так, например, в основу города при Харьковском тракторном заводе, рассчитанном на 100 тыс. населения, была положена основополагающая для «соцгородов» идея полного обобществления домашнего быта, поэтому во всем городе не было запроектировано ни одной кухни [1, л. 29]. Предполагалось, что население «жилкомбинатов» будет крытыми переходами общаться с общественным сектором (переходы не были осуществлены). На этом же основании при детских учреждениях не было запроектировано ни кухонь, ни прачечных, ни погребов для хранения продуктов. Также не было предусмотрено никаких обслуживающих помещений (погреба, сушилки, сараи) и в жилом секторе. Недостатки планировки привели к тому, что около домов двух застроенных к моменту обследования кварталов «рабочими было нарыто без всякого порядка множество ям-погребов (около трехсот) для хранения картофеля и других овощей. Крыши были сделаны из подручных материалов и хлама, производивших крайне неряшливое впечатление». Кроме того, около новых жилых зданий хозяйки разводили костры, вырывая ямы в земле или складывая из кирпича примитивные очаги, где варили пищу [1, л. 33, 34]. Чтобы скрасить картину, заводоуправление обнесло один из кварталов фигурной железной решеткой (судя по указаниям в тексте монографии и оставшимся следам вклеек, рукопись сопровождалась большим количеством фотографий, иллюстрировавших положение дел. На каком этапе эти материалы были изъяты, установить практически невозможно).

В целом обследование показало, что деятельность заводской администрации в соцгороде, корректирующая изначальный проект, была связана не только с отказом от строительства общественных обслуживающих сооружений, но, в первую очередь, с желанием как-то изобрести от строчной системы застройки, создававшей столь некстати открытое, «сквозное» пространство, выгородить более привычные дворы, где население строило небольшие бытовые помещения – постирочные,

сушилки, кладовые, погреб для продуктов, курятники и помещения для домашнего скота, мусороприемники, дровяники и пр. Достигалось это в основном достройкой не предусмотренных проектом поперечных корпусов вдоль магистралей, чтобы закрыть таким образом торцы домов строчной застройки. Точно такие же дома-ширмы возводились, к примеру, в Сталиногорске [1, л. 46].

Если система застройки первых двух кварталов соцгорода ХТЗ осуществлялась более или менее в соответствии с проектом, то третий участок, как было выявлено обследованием, застраивался уже по плану, разработанному Управлением капитального строительства при заводе в 1934 году, и резко отличался от первоначального проекта. Это был огромный дом-гигант на целый квартал, (вместо ранее запроектированных 11 отдельных корпусов), в котором планировалось разместить (в отличие от запроектированных продуктовых распределителей) ряд магазинов, кафе, парикмахерскую, аптеку и пр. В. Е. Рудницкий отметил, что в капитальное строительство нового города вносится целый ряд существенных изменений, оформление которых еще не закончено. Строительство 1934–1935 годов ведется уже по исправленному ведомственной проектной мастерской проекту [1, л. 31].

Особенно сильное впечатление на авторов рукописи произвело обследование быта в квартирах домов, выстроенных в соответствии с проектами соцгородов. В монографии приводится целый ряд тщательно запротоколированных сведений по всем соцгородам. Вот только один из примеров, касавшийся жизни в домах «квартирного типа», считавшихся относительно комфортными по сравнению с корпусами «для одиноких», населенных, как правило, семьями [1, л. 97–98].

Однокомнатная квартира с маленькой прихожей, ванной и уборной (вместе), водопроводной раковины и небольшой плитой. «Такая квартира почти без исключения используется жильцами следующим образом: водопроводная раковина закрывается доской и обращается в туалетный столик, плита также закрывается досками и превращается в стол, так как топить ее летом невозможно из-за жары, а зимой из-за дыма и копоти. Готовят пищу на примусе в уборной, которая фактически превращается в кухню: ванна закрывается частично досками и образует кухонный стол, стульчак же закрывается деревянной крышкой и на него ставится примус. Другой частью ванны пользуются как раковиной. Тут же в уборной хранятся и продукты, так как ни кладовых, ни других каких-либо обслуживающих помещений не имеется. Стирка белья производится тоже в уборной или комнате, сушится белье где попало, так как сушилок нет ни в одном корпусе. Балконы используются как складочные помещения для продуктов и для хранения разного домашнего хлама» [1, л. 94–95].

Картина реализации проектов соцгородов, выявленная в ходе обследования, в целом выглядела настолько безотрадной и явно неподходящей в качестве позитивной основы для дальнейшей работы АКХ над градостроительными нормативами, что авторы сочли возможным в предисловии к рукописи оговорить пересмотр цели исследования, поскольку «выявилась настоятельная необходимость осмыслить ту теоретическую базу, на которой зиждется наша обширная проектно-планировочная практика в области проектирования жилых районов социалистических городов» [1, л. 2а].

Если попытаться обобщить высказывания авторов о причинах создавшегося положения, сделанные как в «практической» части исследования, так и в «методологических» его частях, написанных Ц. Г. Рыссом,

можно свести их к нескольким позициям, суть которых мы постарались обозначить курсивом.

1. «Будущее и настоящее города». Одним из недостатков методологии проектирования новых городов авторы считали ориентацию архитекторов «на конец генплана» (т. е. на перспективу 1945–1950), ради чего выстраивались, казалось бы, стройные теоретические схемы. Но при этом полностью отсутствовал комплексный этапный план осуществления строительства. В результате получались жесткие разрывы между планом и действительностью, «способные дискредитировать самую идею соцгорода». Здесь авторам удалось уловить важную особенность методологии советского градостроительства, неразрывно связанную с самой природой принятого принципа «волевого планирования».

2. «Распад целостности замысла». В работе, возможно, впервые в советской методологической литературе показан разрушительный характер принятой системы ведомственного финансирования строительства городов. Полная несогласованность действий различных категорий застройщиков неизбежно приводит к катастрофическим последствиям для города даже при наличии продуманного генерального плана. В случае, если город застраивается только одним крупным промышленным предприятием, это не спасает положения, поскольку основное городское коммунальное хозяйство находится на балансе завода и полностью подчинено заводоуправлению, заинтересованному прежде всего в развитии производства. Наличие городского совета, призванного представлять интересы города, не играет никакой роли [1, л. 124, 139, 142].

3. «Ложность основного социального принципа». Один из главных выводов работы заключался в том, что сохраняющиеся с 1920-х годов взгляды на «фундаментальное организующее начало» жилого квартала как на замкнутый самодовлеющий социально-экономический организм должны быть пересмотрены. Самое уязвимое в этой концепции, как считал Ц. Г. Рысс, – это предпосылка о механическом перерастании первичного звена общества – семьи в «общественно-бытовой коллектив», своего рода «расширенную семью», которая является основой и фундаментом всех дальнейших социологических и планировочных построений, якобы отличающих социалистический город от капиталистического [1, л. 10]. Практика организации жизни в исследованных городах, по его убеждению, целиком опрокидывала эту теорию.

Критике подверглись устоявшиеся в методологической литературе штампы, где комплекс жилья и детских учреждений (яслей и детсадов) считался «первичным социальным-бытовым звеном». Было показано, что на самом деле здесь нет никакого организационного единства, тем более что школу все равно приходится рассчитывать на два или три квартала, что никак не вписывается в концепцию «расширенной семьи» [1, л. 24].

В качестве альтернативы этой концепции Ц. Г. Рысс предлагал поместить в центр внимания традиционную небольшую семью, все члены которой активно участвуют в общественной жизни, каждый в своей возрастной и профессиональной группе [1, л. 165]. Именно вокруг семьи как основного стержня, с максимальным удобством для нее, должна быть построена вся система бытового обслуживания. Этому будет способствовать, как считал автор, уже начавшееся постепенное отмирание самостоятельных, «кустарных» форм содержания учреждений обслуживания и замена их государственными формами, что дает «квалифицированное руководство и крепкую материальную базу». Автор считал, что нет никаких оснований к тому, чтобы видеть в самостоятельных бытовых организациях прообраз будущей бытовой организации общества.

Однако на деле этот процесс оказался более сложным и противоречивым, чем представлялось автору. Уже в следующем 1937 году разнообразие форм существования жилищно-кооперативного движения в стране окажется практически свернутым [7, с. 270]. Немногие оставшиеся ЖСК будут в основном рассчитаны только на сотрудников определенных предприятий и учреждений. Образовавшаяся не столько государственная, сколько ведомственная система по-прежнему будет заинтересована в наращивании объемов жилья, но не в строительстве учреждений соцкультбыта.

4. «Поверхностность социальных перемен». В 1936 году, когда писался текст монографии, прошло уже шесть лет с момента выхода известного постановления ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» (май 1930), направленного против крайностей «обобществления быта». На смену «домам-коммунам» и «жилым комбинатам» с их предельно заорганизованной жизнью пришли «жилые кварталы» – совокупности отдельных жилых домов, пространственно и функционально объединяемые не только границами окаймлявших их улиц, но и все той же системой объектов обслуживания «обобществленного быта». С 1933 года начался очень медленный и фрагментарный процесс терминологической и содержательной замены системы «обобществления быта», основанной на самодеятельных началах, на государственное «общественное обслуживание» [8, с. 209].

Однако сути социальной основы жилого квартала как вместительности «бытового коллектива» эти изменения практически не затрагивали. Соответственно методы расчета количества жителей, типов домов и квартир, потребности в детских учреждениях и других бытовых и культурных объектах, предлагаемые как крупными проектными организациями, так и обобщающими эту практику теоретическими трудами, во многом оставались прежними. Развернувшаяся в середине 1930-х годов дискуссия об архитектурно-пространственной организации жилых кварталов касалась не столько этих основополагающих показателей, сколько поисков выразительных композиционных приемов и планировочных систем застройки, способных удовлетворить требование власти о первоочередной застройке городских магистралей, сформулированное в 1932 году в связи с переходом к концепции «города-ансамбля» [9, с. 49].

Судя по всему, Ц. Г. Рысс прекрасно понимал эту ситуацию, поскольку отказ от ранее считавшейся прогрессивной строчной застройки и поиски различных разновидностей периметральной или сложной «внеквартальной» застройки расценивался им как чисто вкусовое явление, не затрагивающее сути социальной организации новых городов [1, л. 7–8]. Отсюда один из важнейших выводов работы касался необходимости показать, что в основу новых соцгородов, во многом определяющих облик городов будущего, закладываются довольно неопределенные и неустойчивые показатели.

5. «Недоуверенность расчетных основ». Ц. Г. Рысс писал, что сложившаяся «технология» планировочного проектирования, принятая в массовой практике, сводится к той или иной величине типового квартала, определяемой в зависимости от двух исходных положений: демографических норм возрастной структуры населения и принятых «оптимумов» обслуживания. Недавно вышедшие теоретические работы, основанные на идее перерастания семьи в «бытовой коллектив» [10; 11] могут, по его мнению, вывести «оптимумы» и нормы практически для любой величины кварталов [1, л. 9].

Но «оптимумы», из суммы которых исчисляется количество населения квартала (т. е. показатели учреждений квартального хозяйства, связанные с количеством населения, которое они могут обслужить), – величина не-

постоянная, зависящая от уровня техники и социально-экономических условий. Это заведомо недолговременные показатели, и многие из них идут «от бедности», от пока не достигнутого равновесия между растущими потребностями и уровнем народного хозяйства [1, л. 21, 22].

Автор указывал, что в основе всех исчислений населения и величины кварталов лежат также довольно шаткие демографические нормы; это позволяет скотбинировать практически любой желаемый результат [1, л. 18]. Приходится довольствоваться как единственно достоверным материалом переписью 1926 года, явно устаревшим. Результатом предстоящей переписи можно будет воспользоваться не раньше, видимо, 1937 года. Но «даже если бы статистика была точной, мы проектируем не на сегодня, а на десятки лет вперед. Приходится прибегать к умозрительным исчислениям, вводя произвольные поправочные коэффициенты» [1, л. 19]. Несколько забегаая вперед, отметим, что надеждам на предстоящую перепись населения 1937 года не суждено было сбыться: по целому комплексу причин она была признана дефектной, а ее результаты строго засекречены [12].

В тексте нет открытой полемики с разработанной в начале 1930-х годов методикой расчета населения по «трудоному балансу», практически повсеместно принятой при проектировании новых «соцгородов». Ее суть заключалась в том, чтобы, используя упрощенные формулы, исходно задать, сколько в том или ином населенном пункте необходимо разместить трудовых ресурсов в соответствии с объемами и «человекоемкостью» размещаемой здесь промышленности. И, как следствие, какие типы домов и в каком количестве необходимы для жизнеобеспечения концентрируемой в данном месте рабочей силы [6, с. 188–191]. Но высказываемые автором сомнения в имеющихся упрощенных методах расчета и упоминание «произвольных поправочных коэффициентов» указывает на наблюдавшиеся автором в реальной практике строительства «соцгородов» грубые просчеты с определением количества и структуры населения. Далее он прямо предупреждает «правильный по своей теоретической основе» метод трудового баланса в использовании неосвоенных исходных коэффициентов для расчета структуры населения [1, л. 180].

6. «Основы методологии будущего». Ц. Г. Рысс резюмировал: при проектировании жилых районов надо исходить не из теоретических исчислений нормативной величины квартала в 4, 6, 9 и т. д. га, а из совершенно иных оснований и принципов. Основой, фундаментом проекта планировки социалистического города является социально-экономическая гипотеза о развитии данного населенного пункта как результат научно-обоснованного прогноза комплексного использования естественных производительных сил планируемого района. Разработанная на этой основе демографическая гипотеза определяет емкость будущего города и служит исходной позицией для определения потребностей для него селитебной территории. Размер последней выводится как сложное производное от комплексного учета целого ряда факторов: естественно-исторических, санитарно-гигиенических, техно-экономических и социально-экономических. [1, л. 187]. Далее автор последовательно излагал свои взгляды на природу планировочных норм, которые не должны принимать характер неизменного канона, организацию работы архитектора в тесном сотрудничестве с экономистами, транспортниками, отраслевыми инженерами и другими специалистами. В этих рассуждениях было много разумного, но автор не мог предполагать, что исходный посыл о разработке обоснованной социально-экономической гипотезы, казалось бы, вполне естественный для планового хозяйства, окажется наиболее слабым звеном в этой цепи [13, с. 10–11].

Рассмотренный нами исторический документ – забытая рукопись неизданной монографии, описывающей итоги, казалось бы, рядового события – обследования строительства четырех новых «социалистических городов», тем не менее, представляется довольно неординарным (если не уникальным) явлением в истории советского градостроительства. Она была написана в середине 1930-х годов, т. е. фактически в момент «перелома эпох»: только недавно получил утверждение генеральный план Москвы 1935 года, в значительной степени перевернувший мировоззрение советских градостроителей и закрепивший подход к городу прежде всего как к художественному ансамблю. Авторам этой научной работы удалось за новой сформировавшейся системой оценочных критериев увидеть главное: социальные, функциональные и организационные основы формирования жилых кварталов остались неизменными и по-прежнему представляют собой довольно шаткое основание для практической работы в новых городах. Надо отдать должное их наблюдательности, трезвости взглядов и попыткам осмыслить причины сложившегося положения, а также смелости: насколько известно на сегодняшний день, это была единственная работа, где критике подверглись основополагающие для советского градостроительства содержательные постулаты. Фактически, авторы коснулись наиболее фундаментальных проблем советского градостроительства, которые затем будут воспроизводиться снова и снова на протяжении десятилетий.

По мысли авторов, материал должен был использоваться, скорее, для «подведения итогов предшествующей планировочной практики». Однако, представляется, что замысел этот не совсем удался. Авторы выявили, проанализировали и даже назвали причины повторяющихся практически во всех обследуемых соцгородах сходных ситуаций деструктивного характера. Но, будучи погруженными в современную им социально-экономическую реальность конца 1920-х – середины 1930-х годов, оценили это лишь как временное явление. Эта работа в свое время прошла, очевидно, незамеченной. На нее не удалось обнаружить ссылок даже в тех разработках по жилому кварталу, которые производились в Академии коммунального хозяйства в 1937–1939 годах [14].

Литература

1. Уроки планировки и строительства жилых кварталов по материалам специального обследования городов Б. Запорожья, Сталиногорска, Ново-Харькова и автозаводского района г. Горького: монография (на правах рукописи). – Москва, 1936. – РГА НТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. 120. Оп. 1–3. Д. 60.
2. Косенкова, Ю. Л. Градостроительные аспекты деятельности Академии коммунального хозяйства РСФСР: 1930-е годы // Архитектурное наследие : Вып. 72 : сборник. – Санкт-Петербург : Коло, 2020. – С. 249–259.
3. Сектор соцпланировки населенных мест // Труды Академии коммунального хозяйства : Вып. 1. – Москва : Госстройиздат, 1933. – С. 67–81.
4. Михайлов, Б. О строительстве социалистических городов // Труды Академии коммунального хозяйства : Вып. 1. – Москва : Госстройиздат, 1933. – С. 155–160.
5. Городецкий, С. С. Сектор планировки // Информационный бюллетень Академии коммунального хозяйства. – 1934. – № 7–8. – С. 32–33.
6. Меерович, М. Г. Концепция «социалистического города» и практика ее реализации // Советское градостроительство. 1917–1941. В 2-х книгах. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – Кн. 1. – С. 180–239.
7. Крашенинников, П. В. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. – Москва : Статут, 2018. – 331 с. – URL: <https://pravo.ru/news/214169/?ysclid=lbtс2x8w5w502732347> (дата обращения: 10.05.2023).
8. Меерович, М., Конышева, Е., Жмельницкий, Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 270 с.
9. Старостенко, Ю. Д. Дискуссия об архитектурно-пространственной организации жилых кварталов в СССР в середине 1930-х годов // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №2 (55). – С. 46–63. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/04_starostenko.pdf (дата обращения: 15.05.2023)
10. Галактионов, А., Соболев, Д. Жилой квартал: организация, нормы и условия планировки. – Москва : Госстройиздат, 1934. – 107 с.
11. Кривошеев, А. К. Основы проектирования жилого квартала : Азово-Черноморск. краев. науч.-иссл. ин-т коммун. хоз-ва. – Ростов-на-Дону : тип. им. Коминтерна, 1935. – 126 с.
12. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги : сборник документов и материалов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 320 с.
13. Косенкова, Ю. Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов : От творческих поисков к практике строительства. – Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009 – 440 с. .
14. РГА НТД (Российский государственный архив научно-технической документации). Ф. 120. Оп. 1–3. Дела: 54, 55, 104 (1937 г.); 103. Тт. 1, 2 (1938); 155 (1939).

References

- Galaktionov, A., & Sobolev, D. (1934). *Zhiloy kvartal: organizatsiya, normy i usloviya planirovki [Residential quarter: Organization, norms and planning conditions]*. Moscow: Gosstroyizdat.
- Gorodetsky, S. S. (1934). Sektor planirovki [The Planning Sector]. *Newsletter of the Academy of Municipal Economy*, 7-8, 32-33.
- Kosenkova, Yu. L. (2009). *Sovetskiy gorod 1940-kh – pervoy poloviny 1950-kh godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva [Soviet city of the 1940s - the first half of the 1950s: From creative searches to construction practice]* (2nd ed.). Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM.
- Kosenkova, Yu. L. (2020). Gradostroitel'nyye aspekty deyatel'nosti Akademii kommunal'nogo khozyaystva RSFSR: 1930-ye gody [Urban planning aspects of the activities of the Academy of Municipal Engineering of the RSFSR: The 1930s.]. In I. A. Bondarenko (Ed.), *Arkhitekturnoye nasledstvo. Sb. nauch. trudov NIITAG* (Issue 72, pp. 249-259). Saint-Petersburg: Kolo.
- Krashenninikov, P. V. (2018). *Strasti po pravu: Ocherki o prave voyennogo kommunizma i sovetском prave. 1917–1938 [Passion for Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917–1938]*. Moscow: Statut. Retrieved May 10, 2023 from <https://pravo.ru/news/214169/?ysclid=lbtс2x8w5w502732347>
- Krivosheyev, A. K. (1935). *Osnovy proyektirovaniya zhilogo kvartala [Fundamentals of residential area design]*. Azovo-Chernomorsk. krayev. nauch.-issl. in-t kommun. khoz-va. Rostov-na-Donu: tip. im. Kominterny.
- Meerovich, M. G. (2018). Kontseptsiya “sotsialisticheskogo goroda” i praktika yeye realizatsii [The concept of the “socialist city” and the practice of its implementation]. In Yu. L. Kosenkova (Ed.), *Sovetskoye gradostroitel'stvo 1917-1941. Kollektivnaya monografiya v 2-kh knigakh* (Book 1, pp. 180-239). Moscow: Progress-Traditsiya.
- Meerovich, M., Konysheva, E., & Khmelniyskiy, D. (2011). *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR 1928-1932 gg. [Cemetery of socialist cities: Urban policy in the USSR 1928-1932]*. Moscow: ROSSPEN.
- Mikhailov, B. (1933). O stroitel'stve sotsialisticheskikh gorodov [On the construction of socialist cities]. In *Trudy Akademii kommunal'nogo khozyaystva* (Issue 1, pp. 155-160). Moscow: Gosstroyizdat.
- RGA NTD (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentatsii [Russian State Archive of Scientific and Technical Documentation]). Fund 120. Inv. 1-3. Files 54, 55, 104 (1937); 103, Vols. 1.2 (1938); 155 (1939).
- Sektor sotsplanirovki naselennykh mest [Sector of social planning of populated areas] (1933). In *Trudy Akademii kommunal'nogo khozyaystva* (Issue 1, pp. 67-81). Moscow: Gosstroyizdat.
- Starostenko, Yu. D. (2021). Diskussiya ob arkhitekturno-prostranstvennoy organizatsii zhilykh kvartalov v SSSR v seredine 1930-kh godov [Discussion of the architectural and spatial organization of residential quarters in the USSR in the mid-1930s]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(55), 46–63. DOI: 10.24412/1998-4839-2021-2-46-63. Retrieved May 15, 2023, from https://marhi.ru/AMIT/2021/2kvart21/PDF/04_starostenko.pdf
- Uroki planirovki i stroitel'stva zhilykh kvartalov po materialam spetsial'nogo obsledovaniya gorodov B. Zaporozh'ya, Stalinohorska, Novo-Khar'kova i avtozavodskogo rayona g. Gor'kogo [Lessons in the planning and construction of residential areas based on the materials of a special survey of the cities of B. Zaporozhye, Stalinogorsk, Novo-Kharkov and the Avtozavodsky district of the city of Gorky]. (1936). Moscow. RGA NTD. Fund 120. Inv. 1-3. File 60.
- Zhiromskaya, V. B., & Polyakov, Yu. A. (2007). *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchiye itogi: Sbornik dokumentov i materialov [All-Union population census of 1937: General results. Collection of documents and materials]*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).